

IX. Право карать преступления и отношение к нему ученых

Современная наука твердо установила, что человек есть ничто иное как игрушка в руках, действующих на него сил и что свободы воли не существует: среда, наследственность, воспитание, климатические и атмосферные влияния оказывают на человека свое действие, сталкиваясь и комбинируясь различным образом между собой; они управляют человеком и заставляют его вертеться, как вертится волчок, пущенный рукой ребенка. В зависимости от наследственности, воспитания и окружающей среды, человек будет больше или меньше подчиняться одним силам или сопротивляться другим, но во всяком случае его нравственная личность будет создаваться под их влиянием.

Однако, установив все эти положения, некоторые ученые, во главе с Ломброзо[19], сделали попытку показать существование особого преступного типа. Они занялись определением тех аномалий, которые, по их мнению, должны были быть свойственными этому воображаемому типу, долго обсуждали его различные признаки и, наконец, пришли к выводу о необходимости строгих наказаний, вечного тюремного заключения и тому подобное. Казалось бы, что раз человек действует под влиянием внешних причин, он не может быть ответственным за свои поступки; ученые это признают, но это не мешает им говорить о необходимости карательных мер! Ниже мы вернемся к объяснению этого противоречия, а пока посмотрим, какие именно признаки считаются учеными криминалистами характерными для преступника. В числе их мы находим: следы старых ран, аномалии кожи, ненормальное строение ушей и носа, следы татуировки. Есть еще и многие другие, которые имеют также мало отношения к духовному складу человека, как и эти, но, не обладая специальными познаниями в области анатомии, мы не будем входить в их разбор. Ограничимся пока только перечисленными. Итак, прежде всего, раны: ясно, не правда-ли, что человек, у которого есть следы старых, не может быть ничем иным, как только закоренелым преступником, особенно если он получил эти раны где-нибудь на работе, или рискуя своей жизнью для спасения другого! До сих пор мы всегда думали, что преступление состоит скорее в нанесении ран, чем в их получении, но оказывается, что наука решила иначе: преступник – тот, кто позволил себя ранить. Что-ж, нам остается только преклониться! Что касается ненормальной формы носа и ушей, то напрасно мы трудились над решением вопроса о том, какое они могут иметь отношение к свойствам человеческого мозга. Мало того: Ломброзо сам признает, что многие из тех признаков, на которые он указывает, как на аномалии, очень часто встречаются и у тех, кого он называет людьми порядочными. Но ведь в таком случае эти аномалии являются общим правилом! А

мы-то думали до сих пор, что аномалия, это – свойство, выходящее из общего правила! Оказывается, что наука по Ломброзо говорит нам противоположное – печальное противоречие, наглядно показывающее, как люди, специализировавшиеся на одном каком-нибудь вопросе, на одном уголке науки, теряют в конце концов всякое ясное представление о целом и стремятся только к одному: свести все к своей специальности.

Иметь уродливое ухо или уродливый нос – особенно нос, конечно очень неприятно, особенно если этот недостаток принимает слишком смешную форму. Нет ничего красивого в том, чтоб иметь на лице какой-нибудь нарост или пятно; очень часто это бывает одинаково неприятно как для самого человека, так и для тех, кто на него смотрит. Однако мы всегда думали, что иметь такого рода уродство и без того достаточно горестно, чтобы еще вдобавок на человека смотрели как на преступника. Но так как таково именно мнение Ломброзо, то нам остается только довести его до крайних последствий и потребовать, чтобы акушеров и врачей обязали убивать всех новорожденных, являющихся на свет с уродливым носом или ухом. Всякое пятно на коже составляет верный признак нравственной испорченности. Возьмите, например, меня: у меня, помнится, есть где-то на теле такие пятна, а к тому же я – анархист, что уже само по себе считается некоторыми признаком преступности; все это отлично подходит одно к другому и ясно говорит за то, что я должен стать преступником. А, следовательно, нужно предать меня смерти: теория очевидно предсказывает мне смерть на эшафоте. Правда, если бы приложить эту доктрину ко всем, кто под нее подходит, то, может быть, в живых осталось бы очень мало людей, но зато каким бы совершенным оказалось человечество и в нравственном и в физическом отношении! Никогда не нужно отступать перед логическими последствиями какой-нибудь теории, когда она основывается на наблюдении, как теория Ломброзо!

Что касается татуировки, то мы, конечно, никогда не считали ее признаком особенно высокого эстетического развития: это – атавизм, под влиянием которого люди стремятся усовершенствовать свою «естественную красоту» разными украшениями – совершенно так же, как это делали наши предки в каменный век. Тот же самый атавизм заставляет до сих пор многих женщин прокалывать себе уши, чтобы вставлять туда кусочки металла или блестящие камни, совершенно так же, как бразильские ботокуды и некоторые австралийские и африканские племена прорезывают себе губы, носовой хрящ, или уши и вставляют туда круглые куски дерева или металла, что, с их точки зрения, придает им необычайную красоту.

Мы всегда считали эти приемы чересчур первобытными, но до сих пор не видели в них никакого проявления жестокости; однако, раз уж Ломброзо нас просветил, то мы надеемся, что нас избавят не только от людей, которые себя татуируют, но и от тех женщин, которые прокалывают себе уши или красят волосы.

Тот же ученый сделал попытку установить на таких же шатких основаниях и тип политического преступника; но разбор этого завлек бы нас слишком далеко, а потому мы ограничимся критикой его теории преступности в собственном смысле слова.

Нашлись, впрочем, другие, более развитые, ученые, которые сами скоро подвергли критике эти чересчур фантастические соображения и доказали, как мало значения имеют те

признаки преступности, которыми хотели наделить людей, обозначенных кличкой преступников. Проф. Манувриэ[20], например, в своих лекциях в Парижской Антропологической Школе (1890–1891 г.г.) блестящим образом разбил теорию Ломброзо и его последователей. Показав, прежде всего, неосновательность самих наблюдений, на которых итальянский ученый и его последователи основывались для характеристики своего преступного типа, для которого они избрали людей, уже искалеченных тюрьмой или вообще ненормальной жизнью, Манувриэ говорит затем, что у людей могут быть известные склонности к тому или другому роду поступков, но они не врождены строением мозга или скелета человека, который неизбежно совершил бы их, и таким образом сделался бы преступником. Известного рода склонность может с одинаковой вероятностью привести человека, смотря по обстоятельствам, как к поступку, который считается похвальным, так и к поступку, считающемуся преступным.

Например, большая мускульная сила может, в момент гнева, сделать из человека убийцу, но она же может сделать из него и полицейского, задерживающего преступника. Сильные страсти, презрение к опасности и к смерти, которую человек с одинаковой легкостью готов и причинить другому и встретить сам – все это одновременно – и пороки, встречающиеся у преступника, и добродетели, требующиеся от солдата. Изворотливый ум, склонный к обману, вкрадчивый и льстивый, могут сделать из человека плута, совершающего целый ряд краж и мошенничеств; но, вместе с тем, это – те же самые свойства, которые нужны для хорошего сыщика и следователя.

Идя последовательно за своей аргументацией, Манувриэ приходит к тому выводу, что иногда бывает очень трудно отличить так называемого преступника от так называемого честного человека и что многие из тех, которые находятся на свободе, должны были бы быть в тюрьме, и наоборот.

Но, признав вместе со всеми другими учеными, что человек есть ничто иное как игрушка в руках внешних сил, по равнодействующей которых он движется в каждый данный момент, что свободы воли не существует, что правосудие есть отвлеченное понятие, в действительности сводящееся к воздействию общества, мстящего за потерпевшую личность, – после всех этих выводов, так близко подходящих к тому, что говорят анархисты, он, к несчастью останавливается на полдороге и приходит к заключению, что существующие наказания еще недостаточны и что их нужно усилить. Он, правда, прячется при этом за самосохранение общества: преступные акты, говорит он, нарушают его существование, и оно имеет право защищаться, принимая на себя месть за потерпевших личностей и налагая на тех, кто ему мешает, такие строгие наказания, которые отняли бы у них охоту продолжать в том же направлении дальше.

От чего же зависит это явное противоречие между такими широкими идеями с одной стороны и такими узкими взглядами с другой, между выводами, требующими сохранения известных учреждений, и послылками, доказывающими их нелепость? Увы, это противоречие не составляет исключительного свойства тех людей, которые в него впадают, а зависит вообще от несовершенства человеческого ума.

Человек не обладает всеобъемлющим знанием; ученый, занимающийся со страстью каким-нибудь одним предметом, может совершать чудеса в избранной им области, может, переходя от одного умозаключения к другому, решать в этой области самые сложные задачи; но так как ему нет возможности изучить так же хорошо все отрасли знания, то он поневоле остается позади в вопросах, касающихся других наук. Поэтому, когда он хочет приложить свои, может быть, очень замечательные открытия к другим областям человеческой мысли, он обыкновенно делает это неудачно и из открытых им истин выводит ложные заключения.

В самом деле, если бы антропологи, изучавшие человека и показавшие его истинную природу, изучали и анализировали так же тщательно и социологические явления, если бы они точно так же подвергли своей критике все общественные учреждения, существующие у нас, их выводы оказались бы, несомненно, совершенно иными. Раз они признают, что человек действует под влиянием внешних условий, они должны заняться отысканием причин, создающих эти условия; когда они изучают личность и действия так называемого преступника, для них должно явиться как необходимое условие рассмотрение природы этих поступков и тех причин, благодаря которым они оказываются во вражде с общественными законами. И вот здесь-то вследствие влияния окружающей среды, связанных с воспитанием предрассудков и сравнительно малому знакомству с теми научными вопросами, которых они не изучают специально, они и приходят, незаметно для самих себя, к заключениям, вполне выгодным для существующего порядка вещей; правда они признают его недостатки и даже требуют некоторых улучшений в пользу обездоленной части общества, но никакого другого средства для этого они не находят, кроме деятельности правительственной власти. В них прочно утвердилась привычка двигаться не иначе, как в путях и под угрозой кнута; наиболее независимые умы, правда, очень хотели бы избавиться от этого гнета и избавиться от него небольшое меньшинство избранных, но они не могут представить себе, чтобы все человечество вообще могло существовать без всевозможных оков и тюрем.

Если мы разберем, какие именно преступления составляют главные противообщественные поступки, обращающие на себя внимание закона, и оказывающиеся наиболее частыми, то мы увидим, что, если исключить некоторые преступления, совершаемые под влиянием страсти – очень редкие и к которым и врачи, и судьи относятся снисходительно, – то наибольшее количество преступлений и проступков придется на преступления против собственности. И вот тут-то является вопрос, на который могут ответить только те, которые тщательно изучили наш общественный строй в его природе и его проявлениях: справедливо-ли существование собственности? можно-ли защищать ту общественную организацию, которая создает такое количество преступлений?

Если данный общественный строй вызывает столько поступков, являющихся неизбежной реакцией против него, то он очевидно неразумен и нарушает интересы очень многих людей; общественный договор здесь не есть уже результат добровольного и единодушного соглашения, а результат гнета и произвола, т.-е. другими словами, мы приходим к тому самому выводу, который составляет главную мысль нашей работы. А раз мы признали этот главный недостаток нашего общественного устройства, то нам станет ясным, что для искоренения преступлений, нужно уничтожить создающий их общественный строй. Устройте так, чтобы каждому члену общества было обеспечено удовлетворение его

потребностей, чтобы ничто не стесняло его свободного развития, чтобы в общественной организации не было таких учреждений, которыми бы он мог воспользоваться для притеснения других людей – и вы увидите, что преступления исчезнут. Если же и останутся где-нибудь личности; настолько испорченные нашим теперешним общественным строем, чтобы совершать такие поступки, которым нельзя найти другого объяснения, кроме сумасшествия, то эти личности станут тогда достоянием науки, а не палача – этого наемного убийцы на службе у общества, основанного на капитализме и государственности.

Вы говорите, что боретесь с ворами и убийцами? Но что такое, в сущности, вор и убийца? Вы скажете, что это люди, стремящиеся жить ничего не делая, на счет общества. Но посмотрите кругом – и вы увидите, что ваше общество кишит ворами и что ваши законы не только не преследуют их, но, наоборот, только для того и существуют, чтобы их защищать. Лениность не только не наказывается, но наоборот: удовольствие жить ничего, не делая выставляется как идеал и как награда, ожидающая тех, кто, какими бы то ни было средствами, сумел устроить себе легкую жизнь без труда.

Вы наказываете как вора какого-нибудь бедняка, который, не имея работы, украдет, рискуя каторгой, кусок хлеба, чтобы утолить свой голод; но вы низко кланяетесь миллионеру, который захватит на рынке, благодаря своим капиталам, какие-нибудь предметы, необходимые для потребления всех, и станет потом продавать их на 50% дороже; вы смиренно и терпеливо стоите в передней у какого-нибудь финансиста, который в своей биржевой игре разорит сотни семей, чтобы обогатиться на их счет.

Вы наказываете преступника, который убьет кого-нибудь для удовлетворения своей склонности к лени и разврату, но кто внушил ему эту склонность как не ваше общество? Вы наказываете его, когда он совершает свой поступок в незначительных размерах, но вы содержите целые армии, которые посылаете в отдаленные страны, чтобы проделывать то же самое, только в крупных размерах, над беззащитными народами. А эксплуататоры, которые убивают не одного человека, даже не десять человек, а целые поколения, истощая их работой, урезывая каждый день их заработок, доводя их до самой ужасной нищеты? О, на их стороне все ваши симпатии и, в случае надобности, вы отлично умеете отдать в их распоряжение все силы вашего общества! А тот закон, бдительными стражами которого вы являетесь? Стоит только эксплуатировать, когда им, наконец, надоест терпеть, поднять немного голову и потребовать немного больше хлеба и немного меньше работы, как вы превращаете этот закон в покорное оружие привилегированных классов против неуместных требований бедняков.

Вы наказываете глупца, который попался в ваши сети, но если найдется ловкий человек достаточно сильный, чтобы их прорвать, то вы оставите его в покое. Вы сажаете в тюрьму бродягу, который где-нибудь по дороге украдет яблоко, и предоставляете всю вашу судебную процедуру в распоряжение собственника, чтобы помочь ему украсть у бедняка, который должен ему каких-нибудь несколько рублей, всю его мебель, которая стоила ему, может быть, несколько десятков рублей и представляет собой сбережения, сделанные им в течение целых долгих лет.

Ваше правосудие в высшей степени строго к вору в лохмотьях, но очень благосклонно к тому, кто обкрадывает целый класс или целый народ. И в самом деле: разве не для того и существуют все ваши учреждения, чтобы обеспечить имущим свободное пользование награбленным богатством?

Но что нас еще больше возмущает, это те лицемерные формы, в которые буржуазия облекает свои судебные комедии; она не имеет смелости проделывать их открыто и кроме того хочет этим путем заставить нас смотреть на них, как на нечто священное. Есть, впрочем, нечто, еще более возмутительное: это – поведение тех комедиантов, которые, под видом нападения на существующий строй, нападают, в сущности, только на лиц, прилагающих его законы, и на способ их приложения, оставляя в неприкосновенности самую их сущность; этим они как бы показывают, что есть много способов прилагать закон и между этими способами может найтись и хороший, что среди людей, которые придут ко власти, могут оказаться люди, достаточно честные, с достаточно широкими взглядами – одним словом, такие люди, каких не бывает – чтобы найти этот хороший способ и пользоваться им ко всеобщему удовольствию. И мы, право, не знаем, чему больше нужно удивляться: ловкости ли тех, кто рассказывает нам подобные нелепости, или наивности тех, которые продолжают относиться с уважением к этим комедиям, всю тяжесть которых они несут на себе. Трудно понять, как среди бесчисленного множества людей, прошедших через руки правосудия, до сих пор не нашлось человека, достаточно свободного от всех предрассудков, чтобы подойти к одному из осудивших его, сорвать с него судейскую тогу и показать всем, что под этими тряпками находится такой же человек, как и все, подверженный тем же слабостям и тем же ошибкам, уже не говоря о преступлениях, которые он способен совершить ради интересов своей касты.

Для нас, анархистов, борющихся против власти вообще, законность есть ничто иное, как одна из тех лицемерных масок, которыми прикрывают всевозможные преступления наших правителей и которые мы больше всего должны стараться сорвать. Уже и так слишком долго этот кумир пользовался всеобщим уважением; слишком долго народы думали, что судебные учреждения обладают особой, высшей природой и витают в высших сферах, недоступных человеческим страстям; слишком долго люди верили в существование особых личностей, как бы иной породы, призванных воздавать на земле каждому по его заслугам на основании идеального понятия о правосудии. Между тем, каждый понимает это правосудие по-своему, соответственно условиям, в которые он поставлен; те же, которые формулировали его в своде законов, вдохновлялись именно наиболее отсталыми, наиболее отжившими идеями, с целью защиты эксплуатации и порабощения слабых более сильными, сумевшими подчинить их себе. Пора уже порвать с этими нелепыми предрассудками и начать открыто бороться против всех учреждений, унижающих человеческую личность: свободный человек не может признать за кем бы то ни было права судить и осуждать других людей. Понятие *о правосудии* в том виде, в каком оно проявляется в существующих учреждениях, пало вместе с понятием *о Божестве*; одно повлекло за собой другое. В те времена, когда люди были еще настолько отсталыми, чтобы уверить в сверхъестественное существо, стоящее вне материального мира, занимающееся всем, что совершается на нашей планете и управляющее поступками всех живущих на ней людей, понятие о Боге, внушающем судьям их приговоры, еще могло заставить поверить в непогрешимость человеческого правосудия.

Но раз вера в Бога и сверхъестественный мир исчезла и человеческая личность осталась одна, со всеми своими слабостями и страстями, то вместе с тем должен исчезнуть и этот высший характер непогрешимости, свойственный божеству, которым облекла себя судебная власть, чтобы стать выше остального общества; перед открывшимися глазами людей должно предстать то, что составляет её истинное содержание: угнетение и эксплуатация одного класса другим, насилие и обман, возведенные в принцип и превращенные в *общественные учреждения* .

Наука помогла нам снять этот таинственный покров, разоблачить этого колосса, и теперь ей уже поздно возвращаться назад и пытаться заменить свергнутое божество представлением о новом высшем существе – Обществе. Нужно, чтобы ученые окончательно отделались от своего буржуазного воспитания и принялись за изучение общественных явлений с тем же рвением и с тем же бескорыстием, которое они проявляют в изучении других специальных отраслей знания. И вот тогда, когда они перестанут находиться под влиянием чуждых науке соображений и предрассудков, они не будут приходить к заключению о необходимости осуждения преступника, а скажут, вместе с нами, что нужно разрушить тот общественный строй, который, в силу недостатков своей организации, ведет к тому, что в его среде существует разделение на людей, считающихся порядочными, и людей, называемых преступниками.

Версия #2

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 8 июля 2025 17:08:41

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 13 октября 2025 15:46:30